

- ⁸ *Garlan R.* The Greek way of death. N.Y., 1985. P. 23.
- ⁹ *Humphreys S.C.* The family, women and death. Comparative studies. L. Etc., 1983. P. 145-151.
- ¹⁰ См.: Личность и общество... – С. 76.
- ¹¹ *Nilsson M.P.* A History of Greek Religion. Oxford, 1925; Nilsson M.P. Greek Popular religion. New York, 1940; Nilsson M.P. Greek Piety. Oxford, 1948.
- ¹² См.: Личность и общество. – С. 77.
- ¹³ См.: Личность и общество. – С. 83.
- ¹⁴ *Лауэнштайн Д.* Элевсинские мистерии. Пер. с нем. – М., 1996.
- ¹⁵ См.: *Cornford F.M.* From Religion to Philosophy. N.Y., 1957.
- ¹⁶ Cornford F.M. Op. cit. S. 214.
- ¹⁷ См.: *Raven T.K.* Pythagoreans and Eleatics. Cambridge, 1948.
- ¹⁸ См.: *Cleve F.M.* The Giants of Presophistic Greek Philosophy. The Hague, 1969. Vol. 2.
- ¹⁹ См.: *Guthrie W.K.C.* A History of Greek Philosophy. Cambridge, 1965. Vol. 2.
- ²⁰ См. подробнее об этом: *Доддз Е.Р.* Греки и рациональное. М.-СПб., 2000. – С. 157-158.
- ²¹ *Антон ван Хоф.* Женские самоубийства в античном мире // ВДИ. 1992. №. – С. 18-43.

Новая и новейшая история

Т.Н. ИВАНОВА

КОНЦЕПЦИЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В.И. ГЕРЬЕ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Владимир Иванович Герье (1837-1919 гг.) – известный русский ученый, профессор Московского университета, воспитавший целую плеяду учеников, создавших славу отечественной историографии всеобщей истории в зарубежной науке. В 2007 году в Москве состоялась научная конференция, посвященная 170-летию со дня рождения историка, которая была посвящена различным сторонам его многообразной деятельности¹. Можно безусловно констатировать, что в последние годы начинается новый этап объективного изучения научного наследия В.И. Герье, творчество которого в советской историографии оценивалось прежде всего через призму марксистской историографии.

Одним из основных направлений научных исследований Герье являлась история Великой французской революции. Даже в советской историографии признавался его приоритет в данной области. В.М. Далин считал, что «заслуга Герье в том, что он первым ввел изучение истории французской революции в университетский мир»².

Однако оценки концепции русского историка всегда сопрягались с его политическими позициями. Так, Б.Г. Вебер писал: «Герье первым из русских либералов начал конкретную разработку [...] характерного для тогдашнего русского либерализма противопоставления неревolutionного якобы пути России революционному пути Франции»³.

В постсоветской историографии на смену идеологизированным концепциям пришел плюрализм теорий и оценок, однако это совпало с определенным снижением интереса к истории Великой французской революции. В результате последние развернутые оценки работ Герье на историю революции относятся к 80-м годам XX века⁴. Назрела необходимость с точки зрения современных дискуссионных вопросов историографии определить место Герье в русской историографии революции.

Владимир Иванович Герье приступил к изучению французской революции уже сложившимся исследователем, сразу после защиты докторской диссертации. Его предыдущие работы были никак не связаны ни с истори-

ей Франции, ни с изучением народных движений⁵. Что же побудило молодого ученого обратиться к негласно запрещенной тогда в России теме? Определенное воздействие оказала складывавшаяся либеральная традиция трактовки революции, представленная отдельными высказываниями и обще-теоретическими построениями С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина⁶. Во время заграничной командировки Герье познакомился с Г. Зибелем, известным в том числе, своей работой об истории французской революции, однако лекций по данной теме немецкий историк не читал. Большое воздействие на молодого ученого произвела книга А. Токвиля «Старый порядок и революция» (1856), которая в условиях смягчения цензурных запретов стала одним из первых произведений о революции, развернутый анализ которой появился в русской прессе⁷.

Однако мы считаем, что решающим фактором явилось стремление Герье систематизировать преподавание всеобщей истории в Московском университете. В студенческие годы Герье столкнулся с тем, что курсы по кафедре всеобщей истории читались не систематически и не охватывали всех периодов истории. Так, на первом курсе он слушал лекции П.Н. Кудрявцева по античной истории; на втором курсе Т.Н. Грановский, уже тяжело больной, успел прочитать несколько лекций, на третьем – всеобщая история вообще не читалась. «Было время – я тогда сидел на этих скамьях, – рассказывал позже студентам Герье, – когда нельзя было читать в университете курса истории французской революции»⁸.

Острый интерес к Великой французской революции русской общественности, смягчение цензуры, новый университетский устав 1863 года – все это делало возможным включение в университетский курс проблем революции. Показателен тот факт, что, несмотря на отсутствие какого-либо циркулярного распоряжения о включении истории французской революции в университетские программы, в конце 60-х – начале 70-х годов практически одновременно историю революции начинают читать М.Н. Петров в Харьковском, В.В. Бауэр – в Петербургском и В.И. Герье – в Московском университетах. Однако архивные материалы и воспоминания современников неопровержимо свидетельствуют о том, что несомненное первенство принадлежало Герье, который в сентябре 1868 года начал чтение курса лекций о Великой французской революции⁹.

Работы Герье, посвященные революции, можно разделить на несколько групп.

Первая группа – это лекционные курсы Герье. К сожалению, они сохранились лишь в рукописи или были литографированы студентами. Мы проанализировали четыре рукописных и девять литографированных курсов Герье, относящихся к периоду с 1868 по 1903 год.

Вторая группа работ – это шестнадцать статей, опубликованных Герье в журналах «Вестник Европы», «Исторический вестник», «Русская мысль», энциклопедии Брокгауза и Ефрона, относящихся к периоду с 1877 по 1903 г. В отличие от лекционных курсов, содержащих общую картину революции, статьи посвящены в основном историографии революции.

Третья группа – это монографии Герье, в которых он освещает сюжеты, до того не изучавшиеся столь подробно: «Понятия о власти и народе в наказах 1789 года» (1884) и монография о Мабли на французском языке (L'abbé de Mably. Moraliste et politique. Paris, 1886). В монографиях «Идея народовластия и Французская революция 1789» (1904) и «Французская ре-

волюция 1789-1795 гг. в освещении И. Тэна» (1911) Герье обобщает и перерабатывает ранее опубликованные статьи.

Эти три группы работ отличаются и методически, и методологически. В рамках статьи невозможно дать подробный анализ каждой группе работ Герье, поэтому попробуем охарактеризовать общую концепцию революции в трудах историка, отмечая эволюцию его взглядов по той или иной проблеме.

Свои исследования по истории революции Герье начинал, опираясь не столько на источники, сколько на подробное изучение историографии. В архиве историка имеются его выписки из сочинений более 40 авторов, писавших о Великой французской революции¹⁰. Сохранились свидетельства о работе Герье в архиве в Париже, однако, в отличие от его учеников Н.И. Кареева и П.Н. Ардашева, он не упоминает о своих архивных изысканиях и анализирует в основном опубликованные источники: произведения французских просветителей, законодательные документы, сборники наказов 1789 года.

В своих первых лекционных курсах и статьях Герье широко опирался на труды предшественников, популяризируя достижения зарубежной историографии. На страницах «Исторического вестника» и «Вестника Европы» он знакомит русского читателя с крупнейшими произведениями по французской революции видных зарубежных историков. Историографические обзоры были непременной частью его лекционных курсов, наиболее видным историкам Герье посвящал отдельные статьи.

Особое внимание в этих обзорах Герье уделял условиям появления того или иного произведения, ведь «всякое сочинение есть не только дело индивидуального творчества, но и плод той эпохи, той теории, того мировоззрения, под влиянием которого писал историк»¹¹. Герье считает, что «подобно тому, как эпоха революции, Людовика XVIII и Карла X объясняет нам взгляд, который мы находим у Тьера, так и эпоха Июльской революции объясняет нам взгляд Бюше и Ру»¹².

Русский историк осуждал А. Тьера, Ф. Минье и Ж. Мишле за «героизацию» якобинского террора. Статью о Мишле Герье озаглавил «Народник во французской историографии», считая, что «оптимизм» Мишле при описании якобинцев не способствовал установлению истины¹³. Более приемлемой Герье казалась позиция Г. Зибеля, который, по его мнению, был свободнее от политических мотивов, чем французские историки, и поэтому более объективен в своих оценках¹⁴. Очень высоко Герье оценивал А. Токвиля: «Его нельзя назвать только историком, — писал Герье о французском ученом, — это слишком мало, и нельзя назвать философом — это слишком отвлеченно, и не политиком — это слишком напоминает политическую деятельность. Он принадлежит к числу тех редких людей, которым удастся усматривать силы, движущие обществом, и, подобно королям, устанавливая законы, управляющие жизнью народов»¹⁵. Влияние концепции Токвиля на Герье в его ранних работах очень велико, однако русский ученый не во всем соглашается с авторитетом. Так, он считал, что революцию невозможно было предотвратить реформами: «Монархия встретила бы в 1750 году те же затруднения, которые придали перевороту 1789 года такой трагический характер, т.е. сделалась бы жертвой борьбы между феодализмом и демократической революцией»¹⁶, — считает он.

И. Тэна Герье считал самым выдающимся и самобытным из мыслителей Франции во второй половине XIX века. Он написал о Тэне целый цикл статей, позже переработав их в монографию. Труд Тэна «Происхождение со-

временной Франции», по мнению Герье, «представляет собой крутой переворот в разработке истории революции»¹⁷. В особую заслугу Тэну Герье ставит то, что французский ученый не ограничился рассмотрением политической истории революции, как Токвиль, а написал то, «что недоставало до него – то была внутренняя, социальная история Франции во время революции»¹⁸. «Это скорее история французского общества, чем государства», – считает историк. Удалось же это Тэну, по мнению Герье, благодаря применению «научного метода», использованию законов психологии, статистики, нового архивного материала. Важным открытием Тэна Герье считает то, что «картина уличного, революционного движения, написанная “художником-психологом”», а также психологическое объяснение типа якобинца – “центральной фигуры революции”»¹⁹. Однако Герье упрекает Тэна в односторонности, предвзятости, считая, что «указывая у изображаемых им деятелей и во всей их партии только низкие фанатические мотивы, он уменьшил предмет своего изображения; изгнав из описанного им мира все возвышенные чувства и всякий идеализм, он дал повод к упреку, что показал не всю истину»²⁰. Не соглашался Герье и с оценкой Тэном французского Просвещения, считая, что Тэн заметил только уродливые патологические черты культуры XVIII века, но не понял «ее великой, разумной стороны». «Пренебрежение к философии, к началу разума вследствие поклонения положительным знаниям увлекло Тэна до того, что он забыл о плодотворных принципах, которые культура XVIII века завещала истории»²¹. Герье считает, что Тэн мало места уделил «главному актеру» – третьему сословию. «Важнейшему деятелю революции каких-нибудь 30 страниц из 400!» – возмущается он.

Однако критические замечания в адрес Тэна сглаживаются в книге Герье «Французская революция в освещении И. Тэна», вышедшей в 1911 году. Герье не скрывает причин изменения своего отношения: «Печатаемая в свое время свои критические очерки о книге Тэна о революции, я был далек от мысли, что мне придется быть очевидцем аналогичного потрясения в России»²². Н.И. Кареев в своей рецензии на книгу Герье указывает на почти полную тождественность взглядов русского историка и Тэна: «революционное движение 1905-1906 гг. так же сильно отразилось на мировоззрении автора, как в свое время Французская коммуна 1871 г. на мирозерцании Тэна»²³.

Приступая к непосредственному изложению хода революции, Герье считал необходимым дать ее предысторию. Основные задачи изучения революции для него заключаются в «генетическом объяснении революции» как события, «корни которого теряются в глубине предшествующих веков, ход, характер и цель которого определяется ходом и свойством всей истории французского народа»²⁴. Необходимо революцию «классифицировать и прибегнуть к сравнительному методу», чтобы «привести ее в связь с всеобщей историей и указать ее место в общем процессе человеческой цивилизации»²⁵.

С XVI века во Франции начинается «разлад» между феодальными принципами, на которых было построено здание французского государства и потребностями нового строя»²⁶. Этот строй Герье называет государственным, видя в нем отличие от феодального в системе учреждений. Необходимость перемен во Франции была очевидной и закономерной. «... Франция сохранила еще все начала, которые составляли сущность жизни в средние века: католицизм – в религии, феодализм – в политическом устройстве, корпоративные начала в обществе»²⁷. Задачи революции Герье видит в политиче-

ском преобразовании государства, в предоставлении прав и свобод гражданам, в уравнивании сословий, в участии народных представителей в управлении.

Герье утверждает, что достаточно было «нескольких правительственных указов», чтобы стереть с лица Франции все остатки феодального строя. Но противоречая сам себе, заявляет, что даже Фридрих Великий со всеми его деловыми качествами не смог бы предотвратить во Франции исторически закономерную революцию²⁸. Чтобы объяснить это противоречие историк противопоставляет французскому революционному пути путь «монархической» революции, которым прошли страны Восточной Европы под эгидой «просвещенного деспотизма» и под влиянием гения их монархов (Петра I, Фридриха Великого). Королевская власть остановилась в своем развитии, не в силах отменить привилегии, т.к. сама основывалась на этих привилегиях «собственные притязания»²⁹. «Беда ... не в существовании династии, а в том, что она не приняла на себя «новой соответствующей роли»³⁰. Герье считает, что дело не в личности последних французских королей, а в отличии восточно-европейских стран с их «исторической молодостью нации» и «несложностью государственного организма» от Франции с ее развитым общественным мнением, философской литературой, привилегиями многочисленных государственных учреждений³¹. В этих построениях Герье явно видно влияние концепций С.М. Соловьева и Б.Н. Чичерина.

При этом историк не отрицает закономерность революции в историческом процессе: «реформа значит – исправление, революция – переворот, изменение к лучшему»³². Герье указывает, что «подобная узурпация (революция – И.Т.) совершалась каждый раз, когда в истории появлялось какое-нибудь новое религиозное или политическое начало»³³.

По его мнению, перед французским народом стояло две задачи: 1) культурная – осуществление философского идеала; 2) политическая – довершение централизации страны и искоренение привилегий³⁴.

В своих исследованиях революции и в лекциях Герье особое внимание уделяет анализу взглядов французских просветителей, считая, что ошибки их теорий привели к неверному пониманию идеи народовластия в широких кругах французского народа. Герье начинал эру конституционализма с Монтескье, считая его представителем «одного из величайших интересов человеческой цивилизации – политической свободы». Монтескье, по мнению Герье, – «самый зрелый представитель политической науки в то время». Но принцип разделения законодательной и исполнительной власти у Монтескье привел, по мнению Герье, к невозможности единства власти. Монтескье «забыл о правах монарха», о том, что монарх – «представитель народа». Эта ошибка повторилась в конституции 1791 г. и привела к свержению монархии во Франции³⁵.

Ученый отмечал, что «Монтескье является защитником конституционной монархии, а Руссо – демократической республики ... М[онтескье] ищет средств к осуществлению идеи полит[ической] свободы..., а у Р[уссо] – идея равенства и притом – относительно гос[ударственной] власти»³⁶. Герье считал искажением верховной власти предложенный Руссо принцип «полновластия народа», прямого участия народных масс в управлении государством. По его мнению, только народное представительство имеет реальные корни. Поэтому теория полновластия народа и равенства привели к анархии в период революции, а позже – к установлению диктатуры. Именно Жан-Жака Руссо обвиняет Герье в том, что «величавый в своем начале и своей цели исторический переворот» вызвал «печальные явления» и

«необузданность демократической страсти» на последнем этапе революции³⁷. Называя философию Руссо разрушительной, Герье говорил о другом пути преобразования общества: «Научными средствами исправить общество, исцелять недуги, – вот задача государства!.. Дело не в том, чтобы разорвать общество, как требовал Р[уссо] и его последователи – социалисты, а в том, чтобы дать те средства человеку, которыми бы он мог избавиться от зла, созданного прогрессом и цивилизацией». В чем же видел эти средства Герье? «Дать массе как можно больше знаний, свободы, но не власти. В этом заключается справедливое основание верховной власти народа»³⁸.

В первых лекционных курсах Герье не останавливается на характеристике Мабли. «Открытие» Мабли для Герье произошло в 80-е годы. О жизни и творчестве этого французского философа Герье опубликовал целый цикл статей, а затем обобщил их в монографии, вышедшей на французском языке в Париже. Книга была восторженно принята учеными: «Относительно всего, что касается политических теорий Мабли, мы отсылаем читателя к превосходной книге Герье, где все они резюмированы»³⁹, – писал А. Олар.

У Герье было двойственное отношение к Мабли. С одной стороны, он считал, что французский философ «первым среди современников показал тесную связь морали и политики и доказал, что нравственность – источник и основа общественного счастья». С другой стороны, Герье считал, что Мабли не только предсказал, но «даже ускорил» революцию. Уже «в наказах 1789 года часто обнаруживается след трудов и политических взглядов Мабли»⁴⁰, – пишет Герье.

Сравнивая взгляды Мабли с учениями Монтескье и Руссо, Герье пишет, что теория Мабли «более соответствовала духу его соотечественников»: «Именно Мабли формулировал в своих сочинениях тот средний политический тон, который был осуществлен революцией 1789 года и в общих чертах донныне сохранился в учреждениях Франции»⁴¹. Герье соглашался с Мабли в том, что «не народной массе должна ... принадлежать законодательная власть, а правильно избранным представителям ее»⁴².

Герье критикует Мабли за утопический идеал, «основанный на отречении от личной поземельной собственности и на абсолютном равенстве в общем (коммунистическом) владении землей»⁴³. Частную собственность историк считал основой прочности государства и его стабильного развития. Герье отмечает, что «социалистическая вспышка в прошлом веке – заговор Бабефа, является попыткой практически осуществить идеал, всего обстоятельнее и реальнее изображенный в сочинениях Мабли»⁴⁴.

По мнению Герье, деятели Просвещения воспитали во французском народе «революционный дух», заставлявший все слои общества противиться реформам, исходившим от королевской власти. Силы революции начали действовать не 14 июля и даже не 5 мая 1789 г., а с самого начала царствования Людовика XVI, с реформ Тюрго. «Р[еволуция] особенно замечательна удивительным единодушием, с которым все классы общества принялись за дело, – говорил Герье. – Этим всеобщ[им] увлечением объясн[яется] быстрота и глубина переворота»⁴⁵. Но это единодушие было кажущимся. Ученый указывал, что дворянство и другие привилегированные классы представляли феодальную оппозицию. Отмечая рост экономического могущества буржуазии в предреволюционный период, Герье видел в этом классе различные интересы, указывая на часть буржуазии, покупавшей дворянские титулы и потому примыкавшей к привилегированным классам. «Буржуа-

зия, в свою очередь, свысока смотрела на крестьян», которые находились «в самом бедственном положении»⁴⁶. «Характ[ер] и знач[ение] фр[анцузской] р[еволюции] объясняется положением крестьян», – считал ученый⁴⁷. Определяющим и деятельным фактором революции была земля, т.к. «всякая гражданская реформа в области землевладения, всякое изменение прежних отношений между помещиками и крестьянами пошатнули бы положение церкви и нанесли бы ей чрезвычайно чувствительный ущерб»⁴⁸, т.е. возможны были лишь революционным путем. «Больш[инство] видит в рев[олюции] полит[ический] перевор[от], меньшинст[во] привет[ствует] в ней перевор[от] социальный, – указывал Герье, – часть добывается иного распредел[ения] прав, др[угие] иного распредел[ения] собств[енности]»⁴⁹. Таким образом, подводит итог Герье, в революции «одни искали свободы, другие искали равенства, третьи – хлеба». При этом Герье отдельно говорит о пролетариате, подразумевая ремесленное население Парижа, страдающее «от случайной дороговизны и застоя в работах»⁵⁰.

Особое внимание при определении требований отдельных классов Герье уделял исследованию наказов 1789 г. «Это колоссальная фотография тогдашнего настроения французского народа», – писал он⁵¹. Однако Герье призвал к осторожности при пользовании наказами, указывая, что, вырывая из них отдельные фразы, можно прийти к противоположным выводам⁵². Поэтому он настаивал на комплексном использовании наказов. Герье внимательно изучил шесть томов опубликованных во Франции наказов («Archives Parlementaires de 1787-1860»). При их изучении он одним из первых в русской историографии применил статистический метод. В архиве Герье сохранились статистические таблицы⁵³, каждая из которых обобщает указы одной провинции с указанием отношения населения к важнейшим вопросам. Таблицы представляют собой черновые листки небольшого размера, сверху написано название провинции или населенного пункта (всего 27 географических названий). Вертикально помещены вопросы, по которым анализировались указы: «земельный вопрос», «королевская власть», «сословия», «представительство от нации», «цели собрания [Генеральных штатов]», «о собственности», «дворянские привилегии», «представления о конституции». Напротив каждого вопроса обобщено содержание наказа.

Герье сетует, что при обобщении первичных наказов в указы бальязей их содержание не только усреднялось, но и прямо искажалось. При их составлении часто использовались образцы, рассылавшиеся из Парижа, что также искажало волю местного населения. При составлении наказов на собраниях брали верх «представители крайних мнений», образованные литераторы, адвокаты, мелкие чиновники и приходские священники. Поэтому в наказах трудно увидеть волю простых жителей, в них много противоречий и контрастов⁵⁴. Из анализа наказов Герье приходит к выводу, что руководящим классом революции, навязавшим французскому народу «идеи меньшинства» и позже ставшим во главе движения, был «класс» литераторов, адвокатов, мелких чиновников. Они старались провести в жизнь идеи Просвещения, не считаясь с реальной обстановкой во Франции, полностью порывая с прошедшей историей, и в этом, считал Герье, одна из причин тех бед, которые постигли Францию. Истоки этого историк видит в политической неразвитости народных масс, ведь «за исключением небольшого числа доктринеров, ... они не знали, что такое свобода и вовсе не хотели той революции, которую подготавливали»⁵⁵. Он не отказывал революции в закономерности, считая ее естественным последствием предшествовав-

шей истории Франции, но указывал, что она могла принять более «законные» формы, если бы Генеральные штаты, действуя в союзе с королевской властью, не прибегли к «узурпации», а сохранили те элементы старого порядка, которые, по его мнению, были еще жизнеспособны⁵⁶.

В ранних работах, не обозначая четкой даты начала революции⁵⁷, историк считал, что поворотным был момент, когда депутаты третьего штата провозгласили себя Национальным собранием (этот термин Герье применял по отношению к Учредительному собранию): «Рево[люция] заключалась в том, что наряду с прежн[им] государем был провозглашен ... новый государь ... – Национальное собрание. Между двумя госуд[арями] столкновение было неизбежно»⁵⁸. Но в этот момент, отмечал ученый, между двумя властями существовало примерное равновесие. Положение изменилось после взятия Бастилии, которое «обеспечило Н[ациональное] с[обрание] и развязало ему руки» по отношению к королевской власти. Решающее значение в победе Национального собрания оказало парижское население. Но получив поддержку в борьбе против королевской власти, Национальное собрание оказалось бессильным перед народными массами. Герье упрекал деятелей Национального собрания в неспособности подавить «анархию». «Вмешательство» народа в дела правительства принимает 3 формы: 1) «неорганизованная анархическая масса», т.е. стихийное движение городских низов, которое «проявляет свою волю непосредственно»; 2) «насильственная деятельность» крестьян, поднявшихся после 14 июля; 3) «коммунальный принцип»⁵⁹. Под «коммунальным принципом» Герье подразумевал различные организации народных масс, возникшие в городах. Это парижские секции, которые «узурпировали власть ... как совершенно самостоятельные политические органы»⁶⁰, клубы, коммуны в провинциях. Особо Герье говорил о Парижской коммуне, которая стала «новым правительством», «органом Парижа». Париж имел и свои вооруженные силы – национальную гвардию – и постепенно начинает противопоставлять себя остальной Франции⁶¹.

После событий 5 октября 1789 года «во Франции явились три государя: король, который был в плену у г. Парижа, другой государь – Национальное собрание, захватившее диктатуру, но в сущности бессильное, популярное и всесильное по отношению к старому порядку, но бессильное, когда шло в разрез с общественным мнением; наконец третий государь – Парижская коммуна»⁶².

Герье, хотя и обвинял Учредительное собрание в бессилии перед народными массами, в попустительстве «анархии», все же высоко оценивал реформы этого периода революции. «Преобразовательная деятельность Национального собрания представляет зрелище величавое, поражает единством плана. В деятельности Национального собрания мы видим непосредственное выражение философской и политической культуры, идей XVIII века»⁶³. Важным ученый считал то, что в результате этой деятельности «произошел существенный экономический переворот. Масса французского народа, в то время занимавшаяся земледелием, т.е. преобладающее во французском народе крестьянство – было освобождено от феодальных поборов, вследствие этого примкнуло к Национальному собранию». Однако «Декларация прав гражданина и человека» и, особенно, конституция 1791 г. вызывали критику со стороны Герье. «Новые принципы, – считал он, – были проведены абсолютно и отвлеченно», стали разрывом с предшествующей историей Франции⁶⁴.

Это привело к тому, что «новый порядок» был крайне неустойчив. Одна из причин заключалась в теоретических недостатках конституции 1791 г., восходивших еще к учению Монтескье о разделении властей: «между двумя органами, из которых состоит правительство, нет равновесия», – указывал Герье. С другой стороны, «новому порядку» угрожала «анархия» внутри страны: «... толпа действовала ... автономно, не признавая закона, увлекаемая своими страстями. Свои отрицательные последствия имел и декрет 4 августа, расцененный крестьянами как «призыв к захвату и поощрение к грабежу». Да и сам «новый порядок» отличался тем, что был создан «революционным путем ..., путем узурпации власти»⁶⁵, «войны бедных против богатых»⁶⁶.

Немалое значение имело и то, считал ученый, что «новому порядку» противостоял «старый порядок в остальной Европе». «Французская демократия, которая существовала в 89 [году], была слишком проникнута своими идеями, чтобы могла удержаться в своих пределах, считая их общечеловеческими абсолютными принципами, – указывал Герье. – Потом, одержав победу, эта молодая Французская демократия слишком чувствовала свою силу, требовала экспансивности и потому, если бы даже она не была вызвана, то со своей стороны начала бы пропаганду, со своей стороны вступила в бой со старой Европой». Герье считал, что при таком положении «новый порядок не мог устоять, произошла новая катастрофа, и тогда то из этого положения дел развилась вторая революция; подготовительной эпохой к этой революции было 10 августа 92 года, а затем эта вторая революция продолжалась до конца XVIII столетия, до учреждения военной диктатуры»⁶⁷.

Герье подробно останавливался на событиях 1792 года, приведших к свержению монархии, которое, по его мнению, было ошибкой. Он указывал на ведущую роль в подготовке этого события городской массы. Свою роль сыграло и сельское население, которое было «склонно к монархии», но уже равнодушно к ней». Итак, «в 1792 г. во Фр[анции] монархия б[ыла] свергнута во имя прин[ципа] народовл[астия]. Новое государство могло принять 2 формы: народов[ластие] умеренное ... или народовл[астие] с деспотич[еской] госуд[арственной] властью, ... диктат[ура] во имя народа»⁶⁸. Не выделяя конкретно периодов революции, Герье делит ее на два больших этапа, две революции – это революция 89 года, совершенная «посредством поддержки со стороны всего французского народа» и якобинская революция, «которая была произведена не только против старого порядка ..., но и против революции 1789 г.»⁶⁹. Потребность в твердой власти диктовалась внешними условиями – начавшаяся война требовала напряжения, сильной власти, не стеснявшейся в средствах. В этой обстановке Франция сделалась жертвой якобинской диктатуры».

В лекционных курсах 70-х гг. Герье оправдывал установление якобинской диктатуры внешней опасностью, опасением реакции со стороны аристократов, умеренностью и пассивностью жирондистов, неспособных на решительные действия. Позднее он приходит к выводу, что «террор не есть порождение опасности, в которой находилась Франция ..., террор есть результат внутреннего процесса, порождение предшествующего развития внутри», внешняя опасность лишь содействовала успеху «террористов»⁷⁰.

Под якобинцами Герье подразумевал партию последователей Руссо, выступавшую за установление равенства в ущерб свободе, за сильную государственную власть. «Сила якоб[инцев] в их союзе с чернью, на кот[орую] они опирались..., но ... демос для них лишь средство»⁷¹. Герье подчеркивал, что якобинцы не тождественны с санкюлотами, представлявшими интересы народных

низов Парижа, это лишь секта, рвущаяся с их помощью к власти⁷². Отношение Герье к «жестокому» Робеспьеру и его последователям отрицательное. Он считает, что «Фр[анцузская] рев[олюция] с помощью Роб[еспьера] совершила переворот. До тех пор все дальн[ейшие] шаги были прогресс[ивны] и в культ[урном] и в человеческом отн[ошении]»⁷³. Идеи Руссо, проводимые Робеспьером на практике были покушением на права и свободы личности, на частную собственность. Герье утверждал, что не имущественное положение является основным признаком принадлежности к якобинской партии и «не отрицание собственности было движущим началом террористов». «Богатые и достаточные люди могут спасти себя от гибели, если они якобинцы, а бедные, чтобы участвовать в добыче, должны быть якобинцами»⁷⁴.

«Имущество подверг[алось] преследованию не столько во имя братства, – считал историк, – сколько во имя государственной власти». Герье отмечал, что, например, разделение общинных имуществ совпадало с интересами централизации государства. Централизацию Франции, завершённую якобинцами, ученый считал выполнением исторических заветов. Но Герье негодует, что «государство, кот[орому] поклон[ялись] якоб[инцы], это госуд[арство] без религии .., не позволяющее ни мало ... уклонений в убеждениях.., не позволяющего ни малейшего отступления от уровня.., ... основанное на убеждении, что люди не грешат»⁷⁵. «Под угрозой смерти, – возмущается Герье, – должны были осуществиться свобода, равенство и братство; свобода, конечно, не допускает этого условия; но еще меньше допускает его братство: по принуждению нельзя быть братом, а можно быть только рабом»⁷⁶.

Среди самих якобинцев Герье выделял несколько партий: робеспьеристов, «не настоящего якобинца» Дантона и его последователей, а также «якобинцев Коммуны». Раскол среди якобинцев вызвал ослабление власти Робеспьера, «подавившего санкюлотизм». Социальная база якобинцев сужается, их популярность среди населения падает.

В 80-е гг. отрицательное отношение Герье к якобинскому периоду усиливается под влиянием идей Тэна, основанных на вычлениии некоего «психологического типа» якобинца. Якобинцев обвиняет Герье в анархии, военных неудачах, «печальных последствиях» так «величаво начавшейся революции». Якобинец для Герье – характернейший тип революции, ее фатум и рок, «квинтэссенция» социальной злобы, накопившейся в недрах народа и, одновременно, «квинтэссенция» того стремления к абсолютной государственной власти, которое лежит в основании истории Франции. Переворот 9 термидора, по мнению ученого, был следствием раздоров среди якобинцев, «страна перестает выносить систему террора, без которой якобинцы не могли держаться»⁷⁷.

Термидорианский переворот стал, по словам Герье, «возвращением Жиронды», т.е. умеренных. «Во Фр[анции] ... могла теперь утверд[иться] свободная респуб[лика] ... Наступили 5 лет переходной эпохи, эпохи колеб[аний] и волнений, периодических восстаний и узурпации правит[ельственными] органами». Однако эпоха Директории привела не к установлению «свободной республики», а к «военной диктатуре» Наполеона. Причины этого были, по мнению Герье, в следующем: «судьба Фр[анции] была после 9 термидора на острие меча – ей грозило, с одн[ой] стороны, белое, с др[угой] – красное знамя. Ее задача заключ[алась] в том, чтобы создать нейтральную госуд[арственную] власть, кот[орая] могла б избавить ее от дилеммы, спасти ее от эмигр[антов], от якоб[инцев]. Умиротворение различных слоев Франции удалось совершить Наполеону, который «приучил под св[оим]» железн[ым] ярмом старую Фр[анцию] ужиться с новой». Таким образом, подводит итоги Герье,

Наполеон «оказал рев[олюции] великую услугу – закончил ее. Консолидировал ее результаты... Создал сильн[ую] центр[альную] власть, основ[анную] на идее народовластия. Но он не исполнил второй части рев[олюционной] программы, он ... не дал своб[одных] учрежд[ений] бур[жуазии]»⁷⁸.

Позже Герье писал: «революция завершилась первым консулом, т.е. она была до известной степени доведена до конца. Она была осуществлена если не во всех отношениях и направлениях, то в самых существенных». Чуть дальше он иронизирует: «Что касается до народовластия, то и ему Наполеон дал другое направление. Он удовлетворил своих современников ..., тем, что дал французскому народу власть народовластия..., власть над другими народами»⁷⁹.

Подразделяя французскую революцию на революцию 1789 года и якобинскую, Герье считал, что задачи первой революции носили общечеловеческий характер, поэтому французская революция «отозвалась всюду, везде нашлись люди, в которых она возбудила энтузиазм, которые были в восхищении от того, что было высказано и выставлено на вид во Франции»⁸⁰. Идеи конституционализма и либерализма Герье считал детищем 1789 года. Революция «была, по крайней мере, в своем начале, действительно освободительным движением, избавившим миллионы французских крестьян от пережитков старины и стеснительных сервитутов и сделавших их свободными собственниками земли»⁸¹, – писал Герье. Провозглашением принципа равенства «она оказала великую услугу всему человечеству»⁸². Однако вслед за Токвилем он считает, что «во многих отношениях она служила продолжением векового исторического движения в истории Франции»⁸³. Новый порядок, по мнению Герье, можно сравнить с колоколом, который уже был отлит в эпоху старого порядка, но невидим под формами, разбитыми позже революцией. Герье подчеркивал международное значение французской революции: «принципы 1789 г. явились политическими догмами либерализма», «исходным пунктом для повсеместного пробуждения демократического принципа». С другой стороны, революция стала «катастрофой феодализма», и это также имело общеевропейское значение»⁸⁴.

Однако «не следует из истории брать практических правил – это особенно нужно заметить при изучении французской революции», – оговаривается Герье. Вторая, «якобинская» революция носила, по его мнению, местный характер и объяснялась особенностями исторического развития Франции. Но и этот период имел важные международные последствия: «завоевательное стремление Франции оставило и плодотворные следы в истории европейских государств. Более всех выиграли непосредственные соседи Фр[анции] – Италия, Испания и Германия. Италия осв[ободилась] от феод[альных] отношений, Испания была пробуждена столкновением с Фр[анцией] из своего векового застоя... Итальянская и германская нации стали понимать себя, как нечто цельное в своем историческом развитии»⁸⁵.

Подводя итоги значению революции, Герье писал: «Фр[анцузская] рев[олюция] и вообще история научили нас, что политич[еские] и общественные учрежд[ения] не могут быть основаны на доктринах и отвлеч[енных] системах, а не реальн[ых] историч[еских] условиях. Всякая насильств[енная] попытка водворить эти принципы ... порождает диктат[уру]». С другой стороны, «принципы 89 года имеют значение не только как требование разума, но как двигатели и формула прогресса. Без идей вообще нет прогресса», – заключал историк⁸⁶.

Таковы в основных положениях особенности трактовки Герье истории революции. Характерная ее черта заключалась в широком привлечении трудов

зарубежных историков революции. Концепция Герье складывалась не только на основе изучения источников, но в значительной мере, под влиянием концепций С.М. Соловьева, Г. Зибеля, А. Токвиля, И. Тэна. Однако, было бы неверно представлять Герье только как компилятора чужих произведений. Он не безоговорочно принимал достижения зарубежной историографии, аподвергал их критическому анализу, сопоставляя с собственными изысканиями и идеологией русского либерализма. Так, Герье подробно обосновывал тезис о противоположности пути революции во Франции преобразованиям просвещенных монархов Восточной Европы. Герье рассматривал французскую революцию в широком охвате всей европейской истории XVIII века. Его подчеркивание преемственности старой Франции с новым строем, долгого «эмбриологического» развития революции имело целью доказать, что революция является лишь одним из вариантов более общего и более приемлемого эволюционного развития общества.

Стремясь охватить все стороны революции, Герье, тем не менее, основными считал идейные и политические мотивы, не уделяя внимания рассмотрению социально-экономической истории. На первом плане у него стояла борьба за политические права. Наиболее приемлемой формой государства он считал конституционную монархию. Преобразования Учредительного собрания заслуживали в его устах высокой оценки. Осуждая «анархию», к которой привело непосредственное вмешательство народа, Герье не отрицает, что именно под давлением народных масс, при их непосредственной поддержке и активном участии были осуществлены основные завоевания революции. В целом, Герье высоко оценивал революцию как «прогрессивное начало по отношению к старому порядку».

Нельзя не заметить определенную эволюцию взглядов В.И. Герье под влиянием революционных событий в России. В ранних работах он осуждает монархию за неспособность к реформам, затем считает монархию «самым национальным элементом политического развития Франции», полагая, что ее деятельность вела к постепенному развитию нового строя». В 1911 году он, противореча собственным ранним высказываниям, видит причины революции не в недостатках старого строя, «недостатки требовали реформ, а не революции», а в «революционном духе», обуявшем руководящие классы французского общества»⁸⁷.

Подобные высказывания привели к тому, что в советской историографии взгляды Герье оценивались критически, как умеренно-либеральные и даже консервативные. Герье критиковали за противопоставление пути революции во Франции реформационному развитию просвещенного абсолютизма в Восточной Европе, за расширение хронологических рамок революции, за недостаток внимания к социально-экономической проблематике, за осуждение им якобинского периода революции.

Любопытно заметить, что некоторые положения концепции Герье, которые в марксистской историографии подвергались суровой критике, вполне созвучны взглядам некоторых современных исследователей революции.

Произошедшая в постсоветской историографии «смена вех» привела к отказу от единой марксистской концепции революции в пользу плюрализма взглядов и мнений. Так, хронологические рамки революции в учебниках расширились до 1799 года, а некоторые исследователи включают в нее и «наполеоновскую эру»⁸⁸. Вполне в духе Токвиля и Герье звучит высказывание о том, что «революция не только не прервала, но в чем-то даже усилила преемственность между Францией «старого» и «нового» порядка»⁸⁹.

В современной историографии снижается интерес к социально-экономической истории и расширяется проблематика, связанная с интеллектуальной историей, историей политических реформ, изучением «психологии толпы». Так, некоторые оценки роли толпы в изложении Тэна (а за ним и Герье) не противоречат выводам современных ученых⁹⁰.

Сразу после перестройки началась переоценка роли некогда идеализированных марксизмом революционеров – Робеспьера, Сен-Жюста, Марата и др. Ряд исследователей считает общую направленность постсоветской историографии либерально-консервативной⁹¹, что точно соответствует определению политической позиции Герье.

Герье критиковали за то, что на его концепцию революции оказывали воздействие политические события в России, однако и некоторые современные исследователи, осознанно или нет, связывают историю Французской революции с Октябрьской революцией 1917 года, с советским периодом, с перестройкой и т.д.

В концепции революции Герье прослеживаются интересные замечания, которые позже стали предметом специальных исследований в работах современных ученых: о выделении еще до революции среди буржуазии прослойки, которую можно назвать «новым дворянством», о нескольких различных течениях среди якобинцев, несовпадении ряда требований якобинцев и санкюлотов, о роли популизма и демагогии политических лидеров в манипулировании общественным мнением и т.д.

Все это позволяет нам по-новому взглянуть на оценки Герье в отечественной историографии революции. Не стоит ставить ему в вину либерализм или консерватизм, а стоит помнить о том, что свои работы Герье писал для русского читателя, исходя из русской действительности и не скрывал своей озабоченности воздействием «уроков революции» на Россию.

Важнейшей заслугой Герье стало то, что он первым начал систематическое чтение лекций по истории революции в русских университетах. В них он знакомил студентов с новейшими достижениями историографии, ставил проблемы, а не навязывал свою точку зрения, что способствовало пробуждению интереса к революции и появлению научных исследований Н.И. Кареева, П.Н. Ардашева и др. Лекционные курсы Герье в отсутствие других работ русских историков по французской революции в 60-70-е гг. XIX в. имели не меньшее значение, чем солидные монографии.

В своих статьях об историографии революции, опубликованных в журналах, он, популяризируя достижения современной ему науки, познакомил с историей революции широкую общественность. Герье был пионером в исследовании творчества Мабли и в статистическом изучении наказов 1789 года.

Когда Герье в 1904-1911 гг. переработал свои лекции и статьи в монографии о революции, его концепция была уже далеко не новым словом в историографии. Она проигрывала на фоне появившихся к тому времени талантливых, основанных на архивных изысканиях, исследованиях И.В. Луцицкого, М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, П.Н. Ардашева и др.

Поэтому нам представляется неверным оценивать роль Герье в русской историографии французской революции, исходя только из анализа его поздних работ. Деятельность Герье по популяризации истории революции, его лекции и научные работы при всех своих недостатках и достоинствах были той необходимой ступенью в становлении русской историографии Французской революции, без которой невозможен был ее последующий расцвет.

Концепция Великой французской революции В.И. Герье сыграла значительную роль в становлении отечественной историографии революции. Некоторые положения этой концепции не потеряли своего значения, и проблемы, затронутые Герье, и сейчас представляют поле для дискуссий современных ученых.

Примечания

- ¹ См.: Мир историка: Владимир Иванович Герье. Материалы научной конференции. Москва 18-19 мая 2007 г. – М.: ИВН РАН, 2007. – 132 с.
- ² Далин В.М. Историки Франции XIX-XX веков / В.М. Далин. – М.: Наука, 1981. – С. 66.
- ³ Вебер Б.Г. Первое русское исследование французской революции XVIII в. / Б.Г. Вебер // Из истории социально-политических идей. – М., 1955. – С. 645.
- ⁴ Автор данных строк в ранних работах также не избежал обязательных в то время идеологических штампов при рассмотрении концепции революции Герье. См.: Иванова Т.Н. О начале изучения Великой французской революции в университетах России // Вестник Ленинградского университета. Серия история, язык, литература, 1984. Вып. 2. № С. 104-106; Она же. В.И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России: Автореф. дис. ... к.и.н. Л., 1984.
- ⁵ См.: Герье В.И. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862; Он же. Очерк развития исторической науки. М., 1965; Он же. Лейбниц и его век. СПб., 1868 и др.
- ⁶ См.: Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом // С.М. Соловьев. Собр. сочинений. СПб.: Общественная польза. Б.г. СПб. 1108; Чичерин Б.Н. Очерки истории Англии и Франции. М., 1858. С. 226; Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф.47 (Барсуков Н.П.). Ед.хр. 1. №88; Кавелин К.Д. Лекции по энциклопедии правоведения. Л.53. и др.
- ⁷ Подробнее см.: Иванова Т.Н. Оценка книги А. Токвиля «Старый порядок и революция» в русской буржуазно-либеральной историографии второй половины XIX – начала XX вв.» // Эпоха Великой французской революции: проблемы истории и историографии. К 200-летию юбилею революции. – Чебоксары, 1989. – С. 26-39.
- ⁸ Герье В.И. Лекции по новой истории (Французская революция). 1898-1899 гг. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф.70. К.18. Ед.хр. 5. Л.4.
- ⁹ Подробнее см.: Иванова Т.Н. В.И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России (по материалам лекционных курсов Герье) // Великая французская революция и Россия. – М.: Прогресс, 1989. – С. 153-164.
- ¹⁰ ОР РГБ. Ф.70. К.19. Ед.хр. 4-7.
- ¹¹ Герье В.И. Новая история. 1883-1884 гг. – М.: Лит. Татарина, 1884. – С. 445-446.
- ¹² Герье В.И. История Франции XVIII века. Последнее десятилетие. Литография. – М., 1888. – С. 41.
- ¹³ Герье В.И. Народник во французской историографии. Жизнь и сочинения Мишле // Вестник Европы, 1896. №. – С. 135.
- ¹⁴ Герье В.И. Лекции по новой истории. 1868-1869 гг. – М.: Лит. И. Волкова, 1869. Л. 52.
- ¹⁵ Герье В.И. История XVIII века. Курс лекций, читанный в осеннем полугодии 1887 г. Автограф // ОР РГБ. Ф.70. К.15. Ед.хр. 6. Л. 52.
- ¹⁶ Герье В.И. Современная историография. Франция // Исторический вестник 1880. Т.2. Июнь. С. 530.
- ¹⁷ Герье В.И. И. Тэн // Энциклопедический словарь: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1902. Т. XXXIV. – С. 311.
- ¹⁸ Герье В.И. Ипполит Тэн в истории якобинцев // Вестник Европы. 1894. – №0. – С. 525-526.
- ¹⁹ Герье В.И. И. Тэн // Энциклопедический словарь. С. 311.
- ²⁰ Герье В.И. Ипполит Тэн в истории якобинцев // Вестник Европы. 1894. – №. – С. 190.
- ²¹ Там же С. 142-143.
- ²² Герье В.И. Французская революция 1789-1795 гг. в освещении И.Тэна. СПб., 1911. – С. 7.
- ²³ См.: Русское богатство, 1911. №. Отд.2. С. 152-153.
- ²⁴ Герье В.И. Ипполит Тэн в истории якобинцев // Вестник Европы. 1878. №. – С. 538-539.
- ²⁵ Там же. №. С. 245.
- ²⁶ Герье В.И. Республика или монархия установятся во Франции // Сборник государственных знаний под ред. В.П. Безобразова. СПб.: тип. В. Безобразова, 1877. Т. III. – С. 135-136.
- ²⁷ Герье В.И. Лекции по новой истории. 1868-1869 гг. С. 3.
- ²⁸ Герье В.И. Республика или монархия установится во Франции. С. 145, 165.

- 29 *Герье В.И.* Конспекты лекций по истории XVIII в. 1868-1869 гг. // ОР РГБ. Ф. 70. К. 14. Ед.хр.1. Л.18 (об).
- 30 Вестник Европы. 1878. №4. – С. 555.
- 31 *Герье В.И.* Республика или монархия установится во Франции. – С. 165-166.
- 32 *Герье В.И.* Новая история. 1876-1877 гг. – М.: Лит. Харахоркина, 1877. – С. 4.
- 33 Вестник Европы. 1878. №0. С. 533.
- 34 *Герье В.И.* История XVIII в. 1877-1878 гг. // ОР ГБЛ. Ф.70. К.14. Ед.хр. 3. Л. 76(об).
- 35 Там же. Л. 63.
- 36 *Герье В.И.* Лекции по новой истории. 1868-1869 гг. – С. 58.
- 37 *Герье В.И.* Понятия о народе у Руссо // Русская мысль. 1882. №. – С. 212.
- 38 *Герье В.И.* Лекции по новой истории. 1868-1869 гг. – С. 30, 50.
- 39 *Олар А.* Политическая история французской революции. 1789-1804 гг. Изд-е 3-е. – Пг.: Книгоиздательство Петроградского совета, 1918. – С. 8.
- 40 *Guerrier W.* L'abbé de Mably. Moraliste et politique. Etude sur la doctrine morale du jacobinisme puritain et sur le développement de L'esprit republicain an XVIII siècle. Paris, 1886. P. 2-5.
- 41 *Герье В.И.* Политические теории аббата Мабли // Вестник Европы. 1887. №. – С. 125.
- 42 *Герье В.И.* Опыт приложения этики к политике в XVIII веке // Научное слово. 1903. №. – С. 90.
- 43 *Герье В.И.* Мабли // Энциклопедический словарь. Т. XXXV. 1896. – С. 282.
- 44 *Герье В.И.* Французский этик-социалист XVIII века // Русская мысль. 1883. №1. – С. 198.
- 45 *Герье В.И.* Курс о Французской революции с черновыми заметками. 1873-1874 гг. // ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр. 1. Л.11(об).
- 46 *Герье В.И.* Лекции новой истории. 1868-1869 гг. – С. 7-8.
- 47 *Герье В.И.* Конспекты лекций по истории XVIII в. 1868-1869 гг. // ОР РГБ. Ф.70. К.14. Ед.хр.1. Л.11.
- 48 *Герье В.И.* XVIII век. Изд.2. 1877-1878 гг. Б.м. (литография). С. 199.
- 49 ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр. 1. Л.21.
- 50 Там же. Л. 21-22.
- 51 *Герье В.И.* Новая история. Второй период (Литография). – М., 1887. – С. 289.
- 52 ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр. 1. Л.22.
- 53 ОР РГБ. Ф.70. К 20. Ед.хр. 2.
- 54 *Герье В.И.* Наказы // Энциклопедический словарь: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XX. – СПб., 1897. – С. 485-487.
- 55 *Герье В.И.* Понятия о власти и народе в наказах 1789 года // Идея народовластия и французская революция 1789. – М., 1904. – С. 416.
- 56 Новая история. 1883-1884 гг. – М.: Лит. Татаринова, 1884. – С. 447.
- 57 В своей последней работе о революции В.И. Герье вынес четкие хронологические рамки в само название книги, нигде, впрочем, не объяснив данные даты. См.: Герье В.И. Французская революция 1789-1795 гг. в освещении И. Тэна. – СПб., 1911.
- 58 ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр. 1. Л. 40.
- 59 *Герье В.И.* XVIII век. – С. 309.
- 60 *Герье В.И.* Новая история. Второй период. – С. 329.
- 61 Там же. С. 328-329.
- 62 *Герье В.И.* XVIII век. – С. 315.
- 63 Там же. С. 316.
- 64 *Герье В.И.* Новая история. Второй период. – С. IX-X.
- 65 Там же. С. 239, 336, X.
- 66 Вестник Европы. 1878. №. С. 257-259.
- 67 *Герье В.И.* Новая история. Второй период. – С. XV.
- 68 ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр. 1. Л. 72.
- 69 *Герье В.И.* История Франции XVIII века. – М., 1888. – С. 6.
- 70 Там же. С. 27.
- 71 ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр. 1. Л. 76(об).
- 72 Там же. Л. 79-81.
- 73 Там же. Л. 82(об).
- 74 *Герье В.И.* Лекции новой истории (Французская революция). 1898-1899 гг. // ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр.5. Л. 20.
- 75 ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр.1. Л. 77(об)-79(об).

- ⁷⁶ Новая история. 1883-1884 гг. С. 447.
⁷⁷ История Франции XVIII века. С. 5-6.
⁷⁸ ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр.1. Л. 83-91(об).
⁷⁹ Герье В.И. История XVIII века. – М.: Литография Ю. Венер, 1903. – С. 503, 518.
⁸⁰ Герье В.И. Лекции новой истории. 1868-1869 гг. – С.12.
⁸¹ Герье В.И. Французская революция 1789-1795 гг. в освещении И. Тэна. – С. VIII, 187.
⁸² Герье В.И. Французская революция 1789-1795 гг. в освещении И. Тэна. – С. VIII, 187.
⁸³ Исторический вестник. 1880. №. – С. 530.
⁸⁴ Вестник Европы. 1878. №. С. 245-246.
⁸⁵ Новая история. 1883-1884 гг. – С. 448.
⁸⁶ ОР РГБ. Ф.70. К.18. Ед.хр. 1. Л. 93.
⁸⁷ Ср.: Герье В.И. Понятие о власти... С. 401; Герье В.И. Французская революция 1789-1795 гг... С. III.
⁸⁸ См.: Ревуненков В.Г. История французской революции. – СПб., 2003.
⁸⁹ Арзаканян М.Ц., Ревякин А.В., Уваров П.Ю. История Франции. – М., 2005. – С. 213.
⁹⁰ См.: Чеканцева З.А. Порядок и беспорядок: протестующая толпа во Франции между Фрондой и революцией. – Новосибирск, 1996.
⁹¹ См.: Бовыкин Д.Ю. О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемиические заметки) // Новая и новейшая история. 2007. №. – С. 49-50.

Г.Ф. ГОРБАШОВА

ОТРАЖЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ВИКТОРИАНЦЕВ НА СТРАНИЦАХ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»

Важнейшие события прошлого могут по-новому высвечивать те или иные вехи истории, и каждое поколение стремится дать ответы на вопросы, волновавшие воображение их предшественников. Познание прошлого происходит на основе изучения «свидетельств эпохи», т.е. источников. И это не только документальные, но и литературные памятники, записки путешественников, воспоминания современников. Они не просто сообщают о тех или иных исторических фактах, но передают эмоциональный отклик на них различных людей. Этой группе источников присуща склонность интерпретировать события сквозь призму личного опыта.

Для воссоздания общественных настроений, царивших в той или иной стране, необходимо привлекать материалы прессы. Сотрудники различных журналов писали об интересовавших их проблемах социального развития общества, способствовали формированию образа страны, народа, стереотипов их поведения, образа жизни и т.д. Источники позволяют заглянуть не только в повседневную жизнь отдельных людей, но и во «внутренний мир» эпохи в целом.

В связи с этим нам показалось интересным обратиться к материалам русского «толстого» журнала – «Вестник Европы», который с 1866 г. издавался М.М. Стасюлевичем, отставным профессором истории Петербургского университета. Первоначально журнал идентифицировал себя как журнал «историко-политических наук», представлял собой академическое издание. Структура журнала позволяла освещать ему на своих страницах исторические, политические, социальные вопросы. Профиль журнала расширялся: был добавлен литературный отдел, возрастала роль хроник и обзрений. К 1870 году «Вестник Европы» определял себя как «журнал историй, политики, литературы».

«Вестник Европы» был органом умеренного либерализма, ориентировался преимущественно на либерально настроенную интеллигенцию. Девиз журнала состоял в следующем: «...благополучие страны заключается не в за-